

- М., 2004 ; Дегальцева А. Особенности лексико-семантической сочетаемости наречий в составе адвербиализованных конструкций // Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М. А. Кормилициной. Саратов, 2010. Вып. 10. С. 171–177.
- ³⁴ См.: Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. М., 2007. С. 74.
- ³⁵ Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. С. 769.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же. С. 223.
- ³⁸ Толковый словарь русского языка (с включением сведений о происхождении слов) / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007. С. 787.
- ³⁹ Большой толковый словарь русского языка. С. 1375.
- ⁴⁰ Там же. С. 301.
- ⁴¹ Там же.

Образец для цитирования:

Дегальцева А. В. Особенности реализации модальности в высказываниях с адвербиальными компликаторами // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 366–371. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-366-371.

УДК 81'367.625'37

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ШИРОКОЗНАЧНОГО ГЛАГОЛА «ДЕЛАТЬ» В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ГРУПП

Н. В. Литвинова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского
E-mail: ievlevanv@mail.ru

В статье на основе сопоставительного подхода уточняется семантический объем фундаментальных глаголов действия в английском, немецком, французском и итальянском языках, устанавливается степень их широкозначности.

Ключевые слова: семантика, широкозначность, сопоставление, «делать», английский, немецкий, французский, итальянский языки.

The Semantic Potential of the Verb with a Broad Meaning 'Do' in Languages of Different Groups

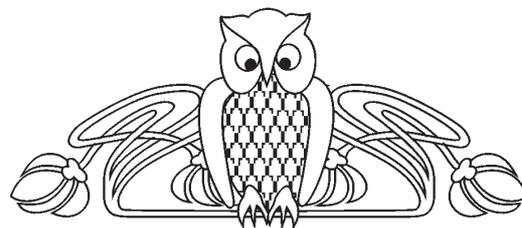
N. V. Litvinova

The article specifies the semantic amount of the fundamental action verbs in the English, German, French, and Italian languages on the basis of the comparative approach ; the degree of their eurysemy is established.

Key words: semantics, eurysemy, comparison, 'do', English, German, French, Italian languages.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-371-375

Произошедшая в лингвистике за последние десятилетия смена парадигмы охарактеризовалась переносом центра тяжести семантической теории с синонимии, бывшей в 1960–1970-е гг. базовой категорией семантики, на полисемию. В свою очередь, разработка современной теории полисемии привела исследователей к изучению феномена широкозначности. В этом направлении выполнены работы лингвистов Н. Н. Амосовой, В. Г. Гака, В. К. Колобаева, В. Я. Плоткина, Л. Я. Гросул, А. Л. Ленца и др.

Впервые на существование в языке двух схожих между собой, но принципиально различных лексических явлений – полисемии и широкозначности – обратила внимание Н. Н. Амосова, а затем данный вопрос затронул В. Г. Гак, который отмечал, что многозначное слово обозначает два или несколько различных понятий, в то время как слово широкой семантики всегда обозначает одно понятие, которое является настолько абстрактным, что охватывает ряд понятий, обозначаемых в другом языке разными словами. Термин «эврисемия» был предложен позднее В. Я. Плоткиным и Л. Я. Гросулом.

В настоящее время существование широкозначности (эврисемии) как особой лексико-семантической категории признано многими лингвистами. Исследователи решают вопросы о границах лексического и грамматического содержания широкозначных единиц языка, их семантической структуре, системе значений и сочетаемости, когнитивных структурах, лежащих в их основе¹. Обращение к решению данных вопросов определяет ведущее место феномена широкозначности в развитии современной теории семасеологии.

Как нами отмечалось выше, термин «широкозначность» был предложен Н. Н. Амосовой. Под широким значением исследователь понимала «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи»². Эта точка зрения получила развитие и в ряде других работ³.

В работах В. К. Колобаева была предпринята попытка выделить признаки, присущие всем

широкозначным словам. К таковым исследователи относят синкретизм, полиденотативность, синсемантизм, десемантизацию, полифункциональность⁴. Под синкретизмом слова понимается расплывчатость, размытость его содержания. Поскольку в основе широкозначной лексической единицы лежит признак, указывающий на категорию предметов и явлений, то все, что может быть отнесено к этой категории, оказывается семантически совместимым со значением такого слова. Количество денотатов у широкозначного слова неограниченно, и поэтому вторым его признаком является полиденотативность. Вследствие специфики своего семантического содержания широкозначные единицы языка, как правило, не могут самостоятельно указывать на конкретный денотат, отсюда следует необходимость опоры на непосредственный или опосредованный контекст. Данный признак В. К. Колобаев назвал синсемантизмом. Четвертая особенность широкозначных слов определяется их способностью к десемантизации, она может быть полной и частичной. Под полифункциональностью понимается возможность использования исследуемых единиц в двух основных микрополях – лексическом и грамматическом.

Из всех выделяемых В. К. Колобаевым признаков широкозначности лишь десемантизация ставится под сомнение. В частности, В. Я. Плоткин и Л. Я. Гросул отмечают: «Вариативность широкого значения может выходить за рамки лексической полноточности, когда широкозначные слова выступают в служебных функциях, в частности, как связочные и вспомогательные глаголы. На этом основании широкозначность иногда трактуется как лексическое опустошение, десемантизация. Однако служебные слова не лишены значения. По характеру своей семантики они, конечно, существенно отличаются от лексических единиц с конкретным значением, поскольку повышение уровня абстрагирования при расширении значения до уровня служебных слов есть качественное изменение семантического типа. Но изменение характера семантики не означает ее утраты»⁵. На этом основании исследователи не относят десемантизацию к признакам широкозначности.

А. Н. Степанова и Л. Ф. Кистанова утверждают, что широкозначные слова не подвергаются семантическому опустошению в служебных функциях, а лишь качественно изменяют семантический тип, сохраняя общий семантический инвариант⁶.

К специфическим признакам широкозначности относят также наличие гиперо-гипонимических отношений между широкозначными словами и остальными словами единой лексико-семантической группы, высокую частотность употребления широкозначных лексем⁷.

Определение лингвистического статуса широкозначности предполагает решение проблемы ее соотношения с многозначностью (полисемией).

В связи с проблемой разграничения полисемии и широкозначности А. Л. Ленца показывает, что в значении широкозначных глаголов функциональный фактор преобладает над предметно-логическим. Из чего следует, что употребление данных глаголов целесообразно связать с семантической вариативностью, со смысловыми вариантами широкого значения. Таким образом, в процессе функционирования словесной единицы количество семантических признаков может колебаться в известных пределах: нижний предел, граничащий с десемантизацией, характеризуется минимальным числом сем, верхний (в семантической позиции данной единицы) предполагает включение новых сем, иногда даже несвойственных соответствующей единице, и совмещает его с инвариантным значением⁸. Смысловые варианты оказываются связанными только с обобщенным, инвариантным значением широкозначного глагола. Причем семантический инвариант сохраняется в различных употреблениях последнего, при реализации самых разнообразных функций. Содержание полисемичного слова складывается в результате семантической деривации. Оно образует организованную структуру, состоящую из первичного и нескольких производных значений⁹. Первичное значение также определяется как «исходное», «основное», «прототипическое»¹⁰. При развитии многозначности за счет метафорической и метонимической деривации первичное значение может распадаться на отдельные семантические сегменты, которые не сводимы к единому инварианту. В случае нарушения семантической связи между сегментами может произойти выпадение того или иного значения (не исключено, что и первичного) и появление семантических омонимов¹¹.

Тем не менее, широкозначность не исключает многозначности, а является одним из необходимых условий ее развития. В этой связи М. В. Никитин утверждает, что не следует чрезмерно преувеличивать немоделированный характер эврисемии – немотивированность семантических сдвигов относительно исходного значения слова. Фактор исходного значения слова прототипически сдерживает размах семантической вариативности слова в некоторых рамках. Исследователь поясняет, что применительно к мотивированности деривационно-семантических связей семантическая структура слов-эврисемизмов составлена тремя уровнями значений, причем последний распадается надвое. Первый, отправной базисный уровень структуры составляет исходное прямое номинативное значение, оно наиболее конкретно, частотно, номинативно самодостаточно и служит производящей базой для производно моделированных значений второго уровня. При этом возможна деривация значений в несколько шагов, т. е. образование производных значений от производных же значений низшей ступени. Третий уровень – это уровень распада полисемии и собственно уровень эврисемии, уровень идиома-

тизированных значений с остаточной или слабой ассоциативностью с исходным прототипическим ядром слова. Две группы, на которые распадается значения слова на третьем уровне – это, во-первых, значения с неясной мотивировкой и поэтому не возводимые к базисному прототипическому образу по известным моделям семантической деривации, а во-вторых, словозначения вне всякой деривационной связи с прототипическим образом слова¹².

Таким образом, под широкозначностью следует понимать иное, гораздо более свободное качество связи между десигнатором (формой слова) и десигнатом (содержанием, значением слова), обеспечивающее нестесненную широту семантического варьирования. Широкозначные слова – это слова с экзоцентрическим качеством семантики, иными словами, они обретают реальное значение из сочетания с другими словами, так как являются семантически «неуверенными», содержательно им нечего предложить контексту, они сами питаются из него. Более того, на шкале единиц, семантизация которых требует контекста, эврисемия занимает крайнее положение¹³.

Статусом широкозначных обладают и исследуемые нами фундаментальные глаголы действия¹⁴, которые еще Ш. Балли предложил считать, наряду с БЫТЬ и ИМЕТЬ, словами-идентификаторами соответствующих классов глаголов¹⁵. В рамках нашей статьи мы предпринимая попытку провести сопоставительный анализ семантической структуры фундаментальных глаголов действия в английском, немецком, французском и итальянском языках. Основным материалом исследования послужили лексикографические источники, грамматики и специальные исследования.

Мы не станем подробно описывать специфику лексического значения интересующих нас глаголов (подробнее¹⁶), а представим семантические признаки, которые нам удалось выделить на основе сопоставления глаголов *to do*, *to make*, *tun*, *machen*, *faire* и *fare*. Одни семантические признаки оказались общими для всех исследуемых глаголов, другие характеризуют только некоторые из них. Итак,

- все рассматриваемые нами глаголы обозначают «действие» как таковое;
- они не указывают на «характер действия» в силу абстрактности их лексического значения;
- им свойственна «направленность на результат действия», за исключением немецкого *tun*, который описывает действие как процесс;
- английский *to make* и немецкий *machen* содержат указание на «способ действия» (а именно «собственными руками или самому»), которое сохранилось от прокорня *makon*;
- глаголы *to make*, *machen*, *faire*, *fare* в определенных синтаксических условиях (перед инфинитивом другого глагола) могут выражать сему «побуждение».

Перечисленные семантические признаки представлены в таблице.

**Семантические признаки глаголов действия
в английском, немецком, французском
и итальянском языках**

Семантический признак	t o d o	t o m a k e	t u n	m a c h e n	f a i r e	f a r e
	Действие	+	+	+	+	+
Характер действия	–	–	–	–	–	–
Направленность на результат действия	+	+	–	+	+	+
Способ действия	–	+	–	+	–	–
Побуждение	[–]	[+]	[–]	[+]	[+]	[+]

Условные обозначения: знак «+» – наличие признака; знак «–» – отсутствие признака; знак [+] – наличие потенциального признака; знак [–] – отсутствие потенциального признака.

Исследуемые нами глаголы оказываются способными к реализации ряда грамматических значений, однако степень их грамматикализованности в сопоставляемых языках различна.

Так, во всех интересующих нас языках глагол «делать» входит в состав устойчивых глагольно-именных сочетаний, семантика которых передает идею совершения некоторого действия. Семантическим центром таких сочетаний выступает имя существительное, в то время как глагол, десемантизируясь, реализует так называемую глаголообразующую функцию или функцию вербализатора. Как правило, данные конструкции имеют в языке однословные эквиваленты, в частности:

(нем.) *einen Blick aus dem Fenster tun* «выглянуть из окна», *einen Sprung tun* «подпрыгнуть», *einen Schritt tun* «шагнуть».

По замечанию Т. И. Резниковой, отсутствие однословной альтернативы для конструкции с глаголом «делать» свидетельствует о том, что грамматикализация последней находится на более продвинутой стадии, чем при ее наличии¹⁷. Так, например, замена французского выражения *faire scandale* «устроить скандал» простым глаголом вообще невозможна.

Английский *to make*, немецкий *machen*, французский *faire* и итальянский *fare* используются для образования каузатива (или фактитивного залога). По мнению Т. И. Резниковой, развитие каузативной семантики у глагола со значением «делать» легко поддается объяснению. «Каузативная ситуация S_k отличается от обычной ситуации S наличием каузирующего субъекта X_k , который выполняет некоторое действие A , побуждающее к осуществлению S . Для выражения каузативного значения язык должен, помимо введения в

структуру предложения каузирующего субъекта X_k , каким-то образом обозначить это неопределенное действие А. Для этой цели многие языки естественным образом используют глагол, в самом общем виде передающий идею действия – глагол *делать*»¹⁸.

Каузативное значение реализуется глаголом «делать» в сочетании с инфинитивом:

(фр.) *Je les ai fait venir* «Я заставил их приехать».

В английском и немецком языках выбор одного из двух существующих глаголов со значением «делать» для маркера каузатива произволен. Важно, что в результате неопределенного каузирующего действия, обозначаемого глаголом «делать», возникает новая ситуация. Как следствие, в языках мира наблюдается тенденция развития каузативного значения у тех глаголов, которые способны описывать действие, в результате которого возникает новый объект. В современном английском языке такой способностью обладает глагол *to make*, который на этом основании противопоставляется глаголу *to do*: *They made us write it out again ten times* «Они заставили нас переписать это еще десять раз»; *Marcia made the poor girl cry* «Марсия довела несчастную девочку до слез».

Любопытным в этой связи представляется сравнение Дж. Гринбергом орудия труда и речи. Простейшее орудие, палка, позволяет манипулировать предметом, который не удастся достать с помощью самой руки. Аналогично посредством речи можно побудить другого человека сделать что-нибудь для себя¹⁹. А ведь именно глагол *to make* (как и нем. *machen*) возник для обозначения действия, совершаемого рукой, т. е. манипулирования орудиями. Подобная градация между физическим и абстрактным движением, с одной стороны, и между объективным и субъективным толкованием воспринимаемой ситуации, с другой стороны, имеет существенное значение для анализа языковых явлений²⁰.

Отметим, что английский *to do*, немецкий *tun* и итальянский *fare* являются источником эмфазы в языке, т. е. средством выделения глагольного действия, его противопоставления другому действию: (нем.) *singen tut sie gerne* «поет-то она охотно».

Реализации грамматического, морфологического значения глагола *to do* связаны, как известно, с образованием вопросительных и отрицательных форм настоящего или прошедшего времени: *do you speak English? – Yes, I do* «вы говорите по-английски? – Да»; *does he know it? – No, he doesn't* «он знает это? – Нет». Интересующий нас глагол не является при этом единственным показателем вопроса или отрицания. В вопросительном предложении наряду со вспомогательным глаголом к средствам выражения относится интонация или вопросительное местоимение. Отрицание глагол *do* образует в сочетании с отрицательной частицей *not*. Глагол служит также для образования отрицательной формы повелительного наклонения: *don't*

do it! «не делай этого!»; *do not speak!* «не говори! молчи!»; *don't be afraid!* «не бойся!»; *don't be silly!* «не глупи!».

Интересно, что частотность употребления глагола *to do* в разговорной речи приблизительно в три раза выше по сравнению с письменной речью именно благодаря его использованию при образовании вопросительных и отрицательных конструкций²¹.

Кроме того, английский глагол *to do* может грамматикализироваться в таксисном значении.

Во французском и итальянском языках исследуемый глагол используется для образования так называемых рестриктивных конструкций. Например: (фр.) *Il ne fait que manger*; (ит.) *Non fa che mangiare, Non fa altro che mangiare, Non fa altro se non mangiare* «Он только и делает, что ест» («Он все время ест»). Глагол *faire/fare* в личной форме выступает в качестве предикативного центра рассматриваемых конструкций, в то время как действие, находящееся в поле рестрикции, выражено инфинитивом. Отметим, что рестриктивная конструкция реализуется лишь при агентивном субъекте.

Примечательно, что во французском языке инфинитивная конструкция *ne faire que de* выражает недавно прошедшее действие: *Il ne fait que d'arriver* «Он только что приехал».

С итальянским *fare* образуются также плеонастические построения, т. е. построения с избыточным глаголом *fare*, которые являются весьма характерными для итальянского языка и реализуются в вопросительных предложениях: *Lo fai volentieri, a studiare la matematica?* «Ты охотно занимаешься математикой?»; *Come fai a dire queste cose?* «Как ты можешь говорить такое?»; *Come faccio ad andare a Rimini?* «Как мне доехать до Римини?».

Опираясь на способность к грамматикализации и выявленные семантические признаки фундаментальных глаголов действия, нам удалось определить их степень широкоточности: на первом месте оказался английский *to do*, затем следует итальянский *fare*, французский *faire*, английский *to make*, немецкий *machen* и, наконец, немецкий *tun*.

В заключение отметим, что универсальность фундаментальных глаголов действия не исключает того, что их семантический потенциал может значительно различаться как в родственных, так и неродственных языках.

Примечания

- 1 См.: Семухина Е. Лингвосемиотика в исследовании концептуальных структур // Когнитивные исследования языка. 2011. № 9. С. 205–212.
- 2 Амосова Н. Основы английской фразеологии. Л., 1963. С. 114.
- 3 См.: Димова С. О полифункциональности слова с широким значением (на материале английского существительного *way*): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1972.

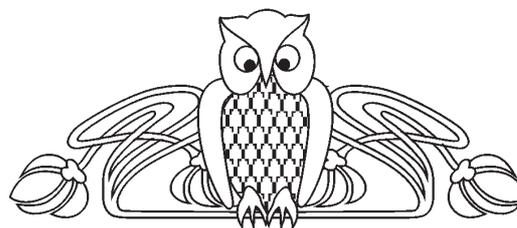
- 4 См.: Колобаев В. О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) // Иностранные языки в школе. 1983. № 1. С. 4–5.
- 5 Плоткин В., Гросул Л. Широкозначность как лексико-семантическая категория // Теоретические проблемы семантики и ее отражение в одноязычных словарях / редкол. : В. Н. Ярцева (отв. ред.) и др. Кишинев, 1982. С. 83.
- 6 См.: Степанова А., Кистанова Л. Широкозначные слова в функциональном аспекте (на материале французского языка) // Романские языки : семантика, прагматика, социолингвистика. Л., 1990. Вып. 5. С. 56.
- 7 См.: Дружина Н. Широкозначные глаголы бытия и обладания в языках и речи / под ред. В. Т. Клокова. Саратов, 2005.
- 8 См.: Ленца А. Широкозначность глагола и контекст. Кишинев, 1987. С. 24.
- 9 См.: Ленца А. Семантическая деривация и семантическая вариантность : их отношение к многозначности и широкозначности // Лексическая и грамматическая семантика романских и германских языков : романо-германская филология : межвуз. сб. Кишинев, 1989. С. 68, 71.
- 10 Селиверстова О. Труды по семантике. М., 2004. С. 300.
- 11 См.: Степанова А., Кистанова Л. Указ. соч. С. 56.
- 12 См.: Никитин М. Полисемия на пределе (широкозначность) // Концептуальное пространство языка : сб. науч. трудов / под ред. Е. С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 108–109.
- 13 Там же. С. 103.
- 14 См.: Степанова А., Кистанова Л. Указ. соч. ; Плотникова А. Широкозначные глаголы в современном русском языке // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2009. № 1/2 (63). С. 24–31.
- 15 См.: Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М., 1955. С. 283.
- 16 См.: Иевлева Н. Фундаментальный глагол действия в языках различных групп : дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010.
- 17 См.: Резникова Т. Грамматикализация конструкций с глаголом «делать» : типология и семантика : дис. ... канд. филол. наук. М., 2003. С. 42.
- 18 Там же. С. 53.
- 19 См.: Гринберг Дж. Антропологическая лингвистика. Вводный курс. М., 2009. С. 9–10.
- 20 См.: Langacker R. Concept, Image, and Symbol : The Cognitive Basis of Grammar. N.G., 1991. P. 11.
- 21 См.: Dictionary of Contemporary English. Longman, 2005. P. 399.

Образец для цитирования:

Литвинова Н. В. Семантический потенциал широкозначного глагола «делать» в языках различных групп // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 371–375. DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-371-375.

УДК 811.161.1'373.46+811.112.2'373.46

КОНТРАСТИВНЫЙ АНАЛИЗ ТЕРМИНА МЕТОНИМИЯ В СФЕРЕ ФИКСАЦИИ (на материале русского и немецкого языков)

О. Р. Жуков

Саратовский государственный медицинский университет
имени В. И. Разумовского
E-mail: zhukovoleg411@rambler.ru

В статье на материале немецкого и русского языков рассматриваются дефиниции термина *метонимия*, входящего в терминосистему *средства художественной выразительности*. В настоящем исследовании обращается внимание на необходимость использования лингвистических методов описания этого раздела риторики. В работе предлагается описание термина данного раздела риторики как единицы логоса. В качестве способа описания выбран метод лексико-понятийных групп.

Ключевые слова: риторика, средства художественной выразительности, терминология, русский язык, немецкий язык.

Contrastive Analysis of the Term *Metonymy* in the Sphere of Fixation (on the Material of the Russian and German Languages)

O. R. Zhukov

The article considers definitions of the term *metonymy* as a part of the term system of *means of stylistic expressiveness* on the material

of the German and Russian languages. The present research focuses on the necessity of using linguistic methods of describing this section of rhetoric. The author suggests describing the term of this section of rhetoric as a unit of logos. The method of lexical and notional groups is chosen as a way of description.

Key words: rhetoric, means of stylistic expressiveness, terminology, the Russian language, the German language.

DOI: 10.18500/1817-7115-2016-16-4-375-380

Малая терминосистема *средства художественной выразительности* терминологии риторики и стилистики сравнительно недавно попала в поле зрения терминоведов¹. На неупорядоченность данного раздела филологии долгое время указывали как отечественные, так и зарубежные исследователи². Х. Лаусберг высказался по этому поводу таким образом: «Die Terminologie gibt weder eine Erkenntnis vom Wesen einer Sache noch einen mikroskopischen Beurteilungs-Maßstab für deren konkrete Aktualisierungen... So kann auch Terminologie der Rhetorik nur ordnende Klassifizierung, nicht